

УТОПИИ И АНТИУТОПИИ

А. И. КУПРИНА

Позицию А. И. Куприна современники воспринимали как общегуманистическую, но достаточно аполитичную. Между тем в период с 1906 по 1912 годы писатель создает несколько фантастико-утопических произведений, проявляющих его убеждения и ориентиры социально-политического характера. Это «Тост» (1906), «Королевский парк» (1911), «Жидкое солнце» (1912), в которых автор дает представление о желаемом будущем человеческой цивилизации, а значит, и России.

Толчком к созданию рассказа «Тост» послужили события первой русской революции, побудившие А. И. Куприна заглянуть далеко вперед и смоделировать мир, который (как он надеялся) возникнет, если цели революции осуществляются. Писатель прибегает к фантастике (в чем сказались увлечение еще в отроческом возрасте научно-фантастическими романами Ж. Верна), переносит действие в 2906 год и рисует преобразенную Землю, на которой исчезли эксплуатация, деспотизм и войны, а человечество объединилось во всемирный анархический союз свободных людей, предоставив каждому все возможности для полноценного развития, мировому сообществу же открыв путь процветания. Используемые А. И. Куприным формулировки указывают на предпочтение им в качестве идеала анархо-коммунизма. Проступает в этом влияние в революционную эпоху программы теоретика анархо-коммунизма П. Кропоткина, конкретно – его работы «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» Анархо-коммунизм воспринимался многими как доктрина, дающая человеку максимум свободы, – вплоть до отрицания государства (включая централизованный государственный коммунизм), расценивавшегося как сковывающая и закрепощающая человека сила. Люди будущего характеризуются как сильные, красивые, гордые, смелые, богоподобные. Они не знают «ни подчинения, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилия, ни обмана» [1, с. 272], делают ставку на разум и всесильность знания, по собственному выбору и желанию объединяются в различные трудовые ассоциации, свободный труд стал для них наслаждением. День за днем они разгадывали всё новые тайны мироздания, достигли больших успехов в области науки и техники, преобразили Землю, снабдив неистощимой магнитной силой всё, нуждающееся в энергии, и убрав уродливые, дымящие трубы фабрик и заводов, прекратив уничтожение природы, которая получила новую жизнь, вошли, наконец, в контакт с инопланетными братьями по разуму. Единственным господином для людей стал «человеческий гений» [1, с. 272], – пишет А. И. Куприн. Анархо-коммунистическое общество видится писателю как полное света, радости и счастья.

Приводя обширные развернутые периоды, характеризующие новую общественную систему, автор предпочитает непринужденный эссеистический стиль, в каком проступает ликование.

От лица людей будущего А. И. Куприн оценивает героизм борцов за новый мир, принесших огромные жертвы на алтарь свободы и всемирного счастья. Провозглашается «вечная память» им в сердцах живущих. Но одна необычайной красоты женщина у А. И. Куприна вдруг беззвучно плачет и на вопрос, почему, отвечает: «– А всё-таки... как бы я хотела жить в то время... с ними... с ними...» [1, с. 274]. Это проявление высшей степени преклонения перед теми, кто устилал своими трупами в противостоянии деспотизму путь в будущее, готовность равняться на их беззаветную преданность высоким идеалам.

А. И. Куприн напоминал, во имя чего идет борьба и выражал веру в то, что она не напрасна.

В «фантазии» «Королевский парк», созданной после подавления революции 1905 года, писатель тем не менее развивал основные мотивы «Тоста», но в то же время вносил некоторые коррективы в свои прежние футурологические построения. У него был замысел повести «Короли в изгнании», «подсказанный» и романом А. Доде «Короли в изгнании», и романом О. Генри «Короли и капуста», название которого, в свою очередь, отсылает к стихотворению «Морж и плотник» из «Алисы в Зазеркалье» Л. Кэрролла, но ограничился А. И. Куприн тем не менее рассказом о судьбе «бывших» в новом мире.

Действие опять-таки перенесено в будущее, в XXVI столетие, когда результаты анархо-коммунистических преобразований в полной мере дали свои плоды. Автор приводит об этом информацию, имитирующую документальную справку, дабы убедить читателя в достоверности сообщаемого:

«Земная жизнь людей изменилась до неузнаваемости. Цветные расы совершенно слились с белыми, внося в их кровь ту стойкость, здоровье и долговечность, которой отличаются среди животных все гибриды и метисы. Войны навеки прекратились еще с середины XX столетия, после ужасающих побоищ, в которых принял участие весь цивилизованный мир... Гений человека смягчил самые жестокие климаты, осушил болота, прорыл горы, соединил моря, превратил землю в пышный сад и в огромную мастерскую и удесятирил ее производительность. Машина свела труд к четырем часам ежедневной и для всех обязательной работы. Исчезли пороки, процвели добродетели» [2, с. 247]. Тип утвердившейся власти характеризуется неопределенно – как народовластие, но аксиологическое единство с предыдущим рассказом позволяет предположить, что это анархо-коммунизм.

Тут, правда, А. И. Куприн поднимает проблему скуки, которую неправомерно недооценивать (как показал в дальнейшем в «Железной мистереи» Д. Андреев), так как не только голодная, но и бессобытийно-сытая, утратившая динамику и глобальную перспективу жизнь способна вызвать «взрыв». Однако на этом А. И. Куприн не задерживается, говорит вскользь, а сосредоточивается на взаимоотношениях победителей в борьбе за светлое

будущее и побежденных. В жизни озлобленность на них была велика, и многие не мыслили другого подхода, как расправу со своими бывшими мучителями. А. И. Куприн же предлагает терпимое, гуманное отношение даже к свергнутым, утратившим власть самодержцам, дабы не уподобляться им в злоупотреблении насилием, без которого можно обойтись. Ведь никакой реальной силы они теперь собой не представляют, а новая власть должна реально продемонстрировать, насколько в человеколюбии она отличается от старой. У А. И. Куприна так всё и происходит: «...народное правительство, давно уничтожившее тюрьмы, наказания и насилие», построило для бывших королей разных стран «в роскошном общественном парке большой, светлый и очень удобный дом, с общей гостиной, столовой и залой и с отдельными маленькими, но уютными комнатками» [2, с. 248], в общем, организовало нечто вроде дома престарелых. Кормили же и одевали их бесплатно, а в хорошую погоду они прогуливались по парку. Горожане приводили сюда детей – показать им – каковы ставшие ничтожными «обломки прошлого». Живут они, в основном, воспоминаниями о своем былом величии, ведут пустое, бессодержательное существование, погрязли в склоках друг с другом. Автор, таким образом, выявляет их внутреннюю сущность, не прикрытую лестью и демагогией. Но в то же время в изображении А. И. Куприна это ставшие безобидными, никому не нужными старички, способные вызвать жалость к себе. В данном случае писатель использует детский, не замутненный идеологией взгляд на вещи. Маленькая девочка, посетительница Королевского сада, испытывает сострадание к бывшему Трапезундскому королю – одинокому, никому не нужному, у которого нет даже зубов, чтобы полакомиться принесенными ею сладостями. И крошка решает забрать его к себе, в свою семью, в качестве «дедушки», обещая заботу и ласку. Бывший король тронут до слез. Элемент сентиментализма, появляющийся в рассказе, представляется оправданным.

Милосердие девочки, нетрудно догадаться, сформировано новым обществом, в котором, по убеждениям А. И. Куприна, не должно быть никому не нужных и несчастных. В этом – реальном гуманизме – он видит превосходство нового общества над старым.

В большем по объему произведении – повести «Жидкое солнце» – А. И. Куприн, которого очень интересовали открытия в области науки и техники, поднимает вопрос об ответственности ученых за свои изобретения, учитывая, что они могут быть использованы не во благо, а во вред человечеству в борьбе противостоящих друг другу политических сил, национального и этно-расового эгоизма. Но это свидетельствует о том, что уверенность писателя в близком торжестве анархо-коммунизма на Земле подавление первой русской революции поколебало.

Повести придана форма записок-воспоминаний одного из помощников генерального ученого, открытие которого, сделанное в начале XX столетия, могло бы перевернуть мир. Изначально нарратор, Генри Диббл, предупреждает, что речь пойдет о событиях столь необыкновенных, что ему могут не поверить,

да и самому рассказчику порой кажется, что всё описываемое произошло не в реальности, а было «лишь странным фантастическим сном или бредом мгновенного, потрясающего безумия» [2, с. 334], так как, попав в катастрофу, он, возможно, пострадал и головой.

Так А. И. Куприн оправдывает свое очередное обращение к фантастике, на этот раз – к научной фантастике, скрещивающейся у него вместе с тем и с социальной, но неожиданно то, что утопия в какой-то момент переходит в антиутопию.

В записках Г. Диббля заметное место занимает лексика научно-технического характера, призванная убедить в достоверности описываемого. Сам А. И. Куприн в процессе подготовки к созданию повести сделал такой запрос специалисту-физику, просив сообщить: какова «...1) температура межпланетного пространства, 2) какую самую низкую температуру удалось получить лабораторным путем и какую еще можно получить, исходя из теории, 3) при помощи чего? 4) то же о высшей температуре, 5) то же о наибольшем давлении. NB. Всё это мне нужно для сгущения газов в жидкости (об Ольчевском, Девьеры я знаю); 6) какие газы легче водорода были сгущены, в каком виде и как? 7) что делается с содержимым мешка газа, сгущенного до жидкого состояния, если это содержимое вылить на стол, на плиту, на снег, на ладонь?» [3, с. 417] и т. д. Предоставленные сведения, включая конкретные цифры, А. И. Куприн использует в произведении, придавая фантастическому аспекту повествования имитацию документальности. Речь идет об английском ученом лорде Чальсбери, гениальном подвижнике, на свои миллионы создавшем в горах Южной Америки суперлабораторию по улавливанию солнечных лучей, под особым давлением превращении их в газ, а затем в жидкое состояние, так что возникает топливо, способное своими возобновляемыми запасами полностью обеспечить всё человечество, решив серьезнейшую из проблем. В воспоминаниях Г. Диббля возникает фигура благородного альтруиста, все свои силы отдающего тому, чтобы осчастливить человечество, и он уже близок к завершению работы. Высказанное, однако, за ужином соображение одного из сотрудников: «...Жидкому солнцу предстоит громадная будущность в качестве взрывчатого вещества или приспособления для мин и огнестрельных ружей» [2, с. 382], – побуждает лорда Чальсбери взглянуть на свой труд под другим углом зрения, осознав, какая страшная опасность в нем потенциально заложена для людей. И, несмотря на преклонный возраст, ученый перестраивает свое мировоззрение, Г. Дибблю исповедуясь: «Я понял, вернее, почувствовал, что не стоит будущее человечества ни забот о нем, ни нашей самоотверженной работы. Вырождаясь с каждым годом, оно становится все более дряхлым, растленным и жестокосердным. Общество подпадает власти самого жестокого деспота в мире – капитала. <...> И моя идея продлить солнечную жизнь земли станет достоянием кучки негодяев, которые будут править ею или употреблять мое жидкое солнце на пушечные снаряды и бомбы безумной силы... Нет...» [2, с. 388]. И он предпочитает уничтожить труд, которому посвятил всю жизнь, погибая от взрыва и сам (в простую «забывчивость»

столь опытного профессионала читатель не верит). И чудом оставшийся в живых, Г. Диббль пытается донести до людей предсмертные предупреждения совершившего уже не научный, а нравственный подвиг, но его оборванные на полуслове записки оставляют впечатление, что они никому не нужны.

Социальная интуиция А. И. Куприна оказалась пророческой – через два года после создания повести началась Первая мировая война. И сегодня произведение так же актуально, как в момент написания. Купринский образ будущего – без войн, тюрем, вражды – тоже может служить цивилизационным ориентиром; но даже обратившись к жанру утопии, писатель показал, что ждет исполнения своих идеалов не раньше, чем через тысячелетие. При жизни А. И. Куприна обвиняли за это в социальном пессимизме, но сегодня его прогноз воспринимается как проявление социальной трезвости, отказ принимать желаемое за действительное.

В силу важности поднимаемых проблем «Тост», «Королевский парк», «Жидкое солнце» сохраняют свое значение для всё новых поколений людей.

Литература

1. *Куприн, А. И.* Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн. – М. : Б-ка «Огонёк», 1964. – Т. 4. – 496 с.
2. *Куприн, А. И.* Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн. – М. : Б-ка «Огонёк». – Т. 5. – 1964. – 420 с.
3. *Куприн, А. И.* Примечания // Куприн А. И. Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн. – М. : Б-ка «Огонёк», 1964. – Т. 5. – 420 с.

Е. С. Слышова (Беларусь)

ПРИНЦИПЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА В ФОТОАЛЬБОМЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ «МАКСИМ ТАНК: ФОТААЛЬБОМ»)

Фотоальбом – тип издательской продукции, в котором содержатся репродукции фотоизображений, специально изготовленных для данного издания или подобранных из других изданий и архивных материалов. Востребованность фотоальбомов растет. «Раньше, когда были распространены пленочные фотоаппараты, люди часто приходили в фотосалоны, чтобы напечатать снимки. Когда же у всех появились телефоны с фотокамерами, наступил некий провал. Но сейчас люди приходят к мысли, что цифровая память очень уязвима. Поэтому теперь многие стараются печатать самые важные, памятные фотографии. Семейные, детские, свадебные фотоальбомы становятся отличным подарком